
Д · М · И · Т · Р · И · Й

ЛИПСКЕРОВ

**Леонид
обязательно
умрет**

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЬ ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л61

Художественное оформление *Екатерины Ферез*

Липскеров, Дмитрий Михайлович.

Л61 Леонид обязательно умрет / Дмитрий Липскеров. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2016. — 480 с. — (Эксклюзивная новая классика).

ISBN 978-5-17-098506-7

Дмитрий Липскеров — писатель, драматург, обладающий безудержным воображением и безупречным чувством стиля. Автор более 25 прозаических произведений, среди которых романы «Сорок лет Чанчжоэ» (шорт-лист «Русского Букера», премия «Литературное наследие»), «Родичи», «Теория описавшегося мальчика», «Демоны в раю», «Пространство Готлиба», сборник рассказов «Мясо снегиря».

Леонид обязательно умрет. Но перед этим он будет разговаривать с матерью, находясь еще в утробе, размышлять о мироздании и упорно выживать, несмотря на изначальное нежелание существовать. А старушка 82 лет от роду — полный кавалер ордена Славы и мастер спорта по стрельбе из арбалета — будет искать вечную молодость. А очень богатый, властный и почти бессмертный человек ради своей любви откажется от вечности.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-098506-7 © Липскеров Д. М.
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Памяти моей матери

1

На двадцать шестой день забилося сердце. Немногочисленное скопление клеток, прикрепившееся бог знает каким образом к плоти, и так все время вибрировало, готовое в единое мгновение сорваться и унести вместе со сливающимися жидкостями в тартарары. А тут еще сердце — этот мощный насос, неизвестно пока *что* и *куда* перекачивающий, ставило дальнейшее развитие эмбриона под большое сомнение.

Впрочем, сомнение было абстрактным и неизвестно чьим, да и знание об эмбрионе имелось лишь у самого эмбриона. Как это знание существовало у нескольких сотен клеток — человеческим, нормальным образом объяснить невозможно. Однако противники абортотв утверждают, что зародыш даже в свою первую неделю существования абсолютно явственно чувствует приближение экзекуции по его насильственному извлечению из утробы и невыносимо страдает. Каким образом, не имея серого вещества, являющимся носителем мысли, а следовательно, стра-

да?.. Сие не поддается разумению. Но то, что мучение продукта недавнего соития нестерпимо, очевидно, как и то, что результат этого соития иногда бывает чудовищен — уничтожение Божественного теста, из замеса которого и случается человек. Скептики все это называют чушью, оппоненты же, большинство женщины, просят их объяснить, как происходит зарождение жизни?.. Ответа на то не существует, все понимают, что он так и останется ненайденным в веках, а потому и противники абортот, и радетели за оные всегда расходятся, недовольные друг другом в крайней степени.

Тем не менее первые абсолютно правы, хотя среди них много пренеприятнейших бездетных особ, рьяных до драки, часто теряющих в борьбе истинный женский облик. Но *что* до внешних данных, ерунда какая! Главное, стремление к благому результату...

Итак, на двадцать шестой день у него забилося сердце и появилась аналогия мысли. Суть ее была такова: если есть мысль первая, значит, существует и последняя.

Эмоций по поводу первого вывода не последовало, так как произошла следом вторая мысль: никто не знает, близок ли, далек ли его конец и не является ли последняя мысль началом нового бытия с другой альтернативой мышлению?..

Следом эмбрион принялся чувствовать. Опять же непонятно каким образом, поскольку не состоялось даже зачатков нервной системы, которая, как известно, должна посредством энерге-

тических импульсов сообщаться с мозгом, которого, о чем уже было сказано, тоже не имелось и в зачатке. Но то вопросы к науке, а мы имеем дело с констатацией события.

Чувствование оказалось полностью дискомфортным, так как не произошло окончательного формирования околоплодных вод, где-то горячило, а где-то окатывало холодком.

Опять-таки раздражали шумы. Какие органы они раздражали — это тоже неизвестно, но ощущение у зародыша было такое, будто скребли алюминиевой вилкой по оконному стеклу.

«Это — моя мать, — осознал эмбрион. — Она чешет свой плоский живот длинными наманикюрованными ногтями. Оттого такой противный звук».

Еще он знал, что женщина в полном неведении о существовании в ее теле сгустка клеток. То есть о его существовании.

Она всегда контролировала проникновение мужского семени в свое лоно. Когда *можно* без последствий, ведала и, когда следует прибегнуть к мерам предосторожности, знала, по ее мнению, наверняка.

Последнее санкционированное проникновение сперматозоидов состоялось на второй день после выброса организмом погибшей яйцеклетки, так что по медицине все должно было быть в порядке. И еще — где-то в памяти женщины хранились почерпнутые из рассказов подружкакушерки по прозвищу Барбариска, вечно сосущей детские леденцы, утверждения о том, что забеременеть не так уж и просто, мол, для мужско-

го семени женское лоно враждебно, и почти все сперматозоиды гибнут в кислой среде, остальные же, немногочисленные, слабнут, и лишь удачное сочетание времен позволяет обессиленной рыбе пробуравить яйцеклетку, вследствие чего и наступает беременность.

Женщина была спокойна, а потому в ожидании, пока наполнится ванна, поглаживала шелковую кожу своего чуть полноватого, а оттого такого соблазнительного живота. Думала она вовсе не о материнстве, а о некоем Пашке Северцеве, с наголо выбритым черепом парне, приехавшем пару месяцев назад с целинных земель и имевшем при себе туго перевязанную бечевой пачку денег, такую толстенную, что даже после пятнадцати походов в ресторан и приобретения модной синтетической шубки к именинам пачка эта не похудела, а, казалось, наоборот, расправилась и разбухла. Так живот начинает отвисать, когда ремень после сытного обеда распустить.

Живот, живот...

Она поглаживает свой живот...

Он отчетливо почувствовал опасность, хотя страха по-прежнему не было.

Она шагнула в большую, старинную, сохранившуюся с дореволюционных времен ванну, сначала стояла в ней в рост, привыкая сильными икрами к слишком горячей воде, затем присела, только краешком белых ягодичек касаясь обжигающей воды. Потерпела и после с наслаждением, медленно-медленно погрузила тело

под воду, ощущая, как тотчас мириады крошечных пузырьков облепили ее красивые ноги, вытянутые в эмалированной емкости в полную их длину. Она любила этот момент — когда можно легким напряжением мышц согнать с ягодич и ляжек воздушные шарики и смотреть на них, сначала устремляющихся на поверхность, а потом шипящих на ней почти так же, как газированная вода из сифона в стакане. После этого укладывала голову с рыжими волосами на специальную деревянную перекладину, смотрела несколько секунд на слепящую лампу сбоку от зеркала, а потом закрывала глаза и с удовольствием ни о чем не думала. Лишь мягкий пар ощущала румяной кожей лица и дородной шеей...

Он чувствовал, как растет температура ее тела, знал, что пройдет двадцать три минуты и наступит последняя его мысль.

Страха не было и в этот момент.

Подгоняемое жаром нагревающегося материнского тела, сердце зародыша билось все увереннее и вместе с тем быстрее. Как будто ему хотелось настучаться вдоволь за эти последние двадцать три минуты...

Двадцать две...

Ее душой и телом овладела сказочная нега, которую может ощутить лишь существо, не отягощенное ни душевными, ни материальными проблемами. Напоминая юную кошечку, что трется о хозяйскую ногу, мурлыча от наслаждения, она слегка постанывала, даже чуть было не взвизгнула, когда сконденсировавшаяся от горячей воды

Дмитрий Липскеров

на коже тяжелая капля вдруг промчалась по щеке, щекоча так, что в подмышке отдалось...

Двадцать одна минута...

Абсолютно точно, что он никогда не полюбит горячую воду. А уж чтобы возлежать в ней, превращаясь в сморщенное, почти утопленническое существо, и испытывать при этом удовольствие, сие казалось совершенно невозможным.

Девятнадцать минут...

Сердце бьется со скоростью сто шестьдесят ударов в минуту. Пока в норме.

Ей опять привиделся Пашка. Она ускользающе подумала о том, зачем любовник выбривает начисто голову и чем он ее потом натирает, чтобы загорелая кожа блестела свежим румяным пирогом... Еще она, вдохнув ртом, осознала, что ей нравится в нем все и потрясающе все, что он делает с ней; слегка колыхнула воду ногами, вновь простонала, ощутив, как потревоженная вода накатила под самый нос, залив пухлый рот со следами вишневой помады. Она сглотнула воду, а вместе с ним и собственное сознание, вновь устремив душу в царство неги и блаженства.

Пятнадцать минут...

Сто девяносто ударов в минуту...

Произошло очередное деление клеток.

На тысячные миллиграмма он стал тяжелее. Подумал о том, что истинное сознание невесомо. Оно может быть Космосом, а Космос может быть чревом. Чрево должно рождать Космос, а вместо этого в нем зреет кислое, грозящее протухнуть от малой неосторожности вещество, са-

мое непрочное, что создал Космос. Зачем Космосу совершать глупости, ему было неизвестно. Но главное он понимал: Космос вправе делать все, что ему заблагорассудится...

Неожиданно он испытал сильнейшее влечение к Космосу, конечно, по человеческой аналогии влечение. К Космосу, находящемуся именно в материнском лоне. Это подтвердило ему, что он зарожден быть мужчиной. В тысяча триста пятьдесят второй клетке эмбрион остро почувствовал свою принадлежность к той человеческой особи, что призвана не Космос в себе носить, а бессмысленно пытаться тот Космос оплодотворить.

«Значит, я буду не Матерью, а Отцом», — подумал он, сделав вывод именно с большой буквы, будучи уже в своем ничтожном количестве высокомерным, так как осознал собственную мизерную миссию бездарно — не понял, что придется всего лишь тыркаться крошечной ракетой в бесконечную Вселенную.

Десять минут.

Двести ударов...

«ОНА — главнее», — сделал неутешительный вывод он.

В это время на внутренней стороне ее черепа, словно в кино, вновь спроектировался образ целинника Северцева, с очень тонкими для тракториста пальцами, которые столь виртуозно владели инструментом женского тела, что частенько она в самые ответственные моменты ночи вскрикивала:

— Рихтер мой! — А бывало: — Ван Клиберн!

Он отвечал:

— На тебе клавиш больше, чем на рояле! Ты вся — одна клавиша!

И нажимал розовой подушечкой пальца в какую-нибудь складочку ее тела. Она отзывалась в ответ очень уверенной нотой сладострастия.

А наутро в коммунальной кухне соседка Катя, обладательница слоновьих ног, жаря на сковородке что-то вонючее, с сарказмом вопрошала:

— Опять, сладенькая, ночью радиом заслушивалась?

— Я — не сладенькая, — улыбалась она довольно. — Я — кисленькая.

— Это тебе Рихтер поведал? — уточняла простоволосая Катя, потерявшая своего пианиста на войне и забывшая, что она инструмент, вовсе.

— Не Рихтер.

— Кто же?

— Да уж знаю — кто.

— Откуда?

— От верблюда!

— Плюнул, что ли, в тебя в зоопарке верблюд-то?

— А у тебя там все мхом заросло! — нашлась она.

— Уж лучше мхом, — не унималась Катя, заливая полежалый ветчинный жир взбитым яйцом. — Уж лучше мхом, чем народная тропа. Гы-ы!..

Она была тем утром слишком счастлива, чтобы всерьез затрачивать нервную систему на дуру соседку, от которой всегда пахло мышами. Она и сама в то утро дура, так как целинник сыграл на ней за ночь пять симфонических концертов и несколько виртуозных скрипичных соло.

— Паганини! — проникновенно проговорила она.

— Чего?

— Через плечо! — уточнила и, забрав заварочный чайник, гордо удалилась в свою комнату.

Дожаривая яичницу, Слоновая Катя пыталась понять — кто погнил и где. Ворочала даже носом во все стороны, стараясь учуять инородный запах... Яичница дожарилась, и вдова солдата позавтракала с аппетитом, чувствуя себя полной победительницей в маленькой словесной перебранке с молодой соседкой...

«Нет, — слизывая с обвисших губ яичный янтарь, подумала Катя, — от меня-то гнилью не пахнет, а вот Юлька, та точно с гнильцой! Орет кошкой, почитай, каждую ночь, спать мешает и Сергею Сергеевичу, кандидату горных наук, работать не дает. Ученые, они по ночам работают! Ученые — особый народ! Бессребреники!»

...Юля сменила позу, согнув ноги в коленях. Тело совсем размякло, но вода в ванне постепенно остывала, заставляя ее думать о том, что хорошо бы открыть кран с горячей, чтобы напористая струя почти кипятка вновь вернула мозг в благодное отупение. Легко сказать, да трудно сделать! И колени-то с трудом подтянула, а чтобы добраться до крана, требовался практически подвиг.

Кто-то ей говорил, что пользительно, когда вода самостоятельно остывает. Только затем, когда она станет чуть тепленькой, необходимо вытащить заглушку и ждать, пока влага медленно сольется в канализацию, унося с собой всю вредную энергию, скопившуюся в теле.